

РОМАН,
ПРОБУЖДАЮЩИЙ СЕРДЦА

ЭМИЛИ БЛИКЕР

КРУШЕНИЕ

**МОСКВА
2017**

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б69

Emily Bleeker

WRECKAGE

© 2015 Emily Bleeker. This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Оформление *А. Старикова*

Бликер, Эмили.

Б69 Крушение / Эмили Бликер ; [пер. с англ. Н. В. Екимовой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Роман, пробуждающий сердца).

ISBN 978-5-699-99468-7

Этот роман, мастерски воздействующий на самые потаенные чувства читателя, способен вызвать столь мощную волну сопереживания, что по праву считается одной из самых проникновенных книг года. Это бестселлер, покоривший десятки стран мира. Это история, пробуждающая сердца...

Лилиан Линден – лгунья. В глазах общества она – отважная женщина, выжившая после крушения самолета. Но она лжет – своей семье, своим друзьям и всему миру – с тех самых пор, как спасательный вертолет унес ее и еще одного выжившего, Дейва Холла, с необитаемого острова в Тихом океане. Лжет с тех самых пор, как они стали национальными героями и любимцами всевозможных ток-шоу. Общественность восторженно внимает их рассказам. А они не в силах поведать людям свою настоящую историю... Однако тележурналистка Женеьева Рэндалл, «акула пера» со звериным чутьем на сенсации, собирается вывести эту парочку на чистую воду. И неважно, сколько жизней она при этом разрушит...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Екимова Н. В. Перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-699-99468-7

ООО «Издательство «Э»», 2017

*Джо, моему мужу.
Ты мой лучший друг, мой наперсник
и единственный человек в мире,
с которым я согласилась бы оказаться
на необитаемом острове.*

Глава 1

ЛИЛЛИАН

Настоящее

Иногда лгать оказывается необходимо. Иногда ложь — это единственный способ защитить тех, кого любишь, — думала Лиллиан, крутя обручальное кольцо на пальце. За последние восемь месяцев не прошло и дня, когда бы она не повторяла себе эти слова. И может быть, сегодня ей наконец удастся в них поверить. *Единственный способ,* повторила себе Лиллиан, продолжая вращать простой золотой ободок — по одному обороту за каждую произнесенную ложь. Опять сбилась — в третий раз подряд — и придавила руку с кольцом бедром, подальше от соблазна. Если б ложь давалась ей с трудом, то она, наверное, смогла бы остановиться. Но лгать было так легко. Гораздо легче, чем говорить правду.

И не реви, повторила она себе строгим наставническим тоном. Хватит уже рыдать перед камерами. Она настроилась решительно — сегодня весь мир увидит ее сильной, а не опухшей от слез. Красная, зареванная физиономия — кому такое понравится? К тому же сегодня у нее на лице макияж — краска наложена везде, густо, как штукатурка. Столько косметики Лиллиан не извела за всю свою жизнь, а милая девушка по имени Жасмин прибавляла еще и еще, слой за слоем.

Наконец Жасмин извлекла откуда-то большой розовый аэрозольный флакон, вылила на волосы Лиллиан столько лака, что на нее можно было бы повесить объявление «Огнеопасно», — и, кажется, удовлетворилась результатом. По крайней мере, отойдя на два шага в сторону, она сначала воззрилась на объект приложения своих усилий, а потом пожала плечиками, точно говоря: «Ну вот, лучше уже все равно не сделаешь». Не самое ободряющее начало.

Когда визажистка упорхнула, Лиллиан еще посидела неподвижно, разглядывая свои темно-бордовые лакированные ногти и чувствуя себя так, словно играла в «переодевашки». В детстве она была «пацанкой», да и сейчас, став матерью двоих детей, не привыкла особенно задумываться о своей внешности, но слишком уж был велик соблазн притвориться другим человеком, хотя бы ненадолго. В конце концов, если прежнюю Лиллиан уже не вернуть, а свое теперешнее «я» она терпеть не может, то стать поддельной Лиллиан, может быть, и есть лучший выход.

Ее дом тоже преобразился в ожидании съемочной группы. Целую неделю она скребла и мыла сама, но потом, сдавшись, все же призвала себе в помощь наемных уборщиков, и те вылизали их двухэтажный особнячок в колониальном стиле до идеального блеска. Однако, как и следовало ожидать, ассистенты режиссера буквально с порога решили, что это никуда не годится.

В дом они ворвались едва ли не на рассвете. От волнения Лиллиан не смогла даже завтракать и только молча наблюдала, как один из них, напряженный, словно ищейка, носится по дому в поисках семейных фото, распространяя на каждом шагу крепкий запах табака и кофе. Разыскав в кабинете парочку антикварных кресел с откидными подлокотниками, они притащили их в

гостиную и поставили по обе стороны от фортепиано Линденов, на крышке которого стратегически разместили все найденные в доме изображения семейства.

Сдувая уголком рта непослушную жесткую прядь, которая лезла ей в глаз, Лиллиан разглядывала композицию на пианино. Место цветочного гобелена, висевшего обычно над инструментом, занял семейный портрет из холла, а снимок Джерри и мальчиков перекочевал с ночного столика у кровати Джоша под бок к фото в серебристой рамке, на котором Лиллиан держала за ручки двух малышей с рюкзачками.

На этом снимке она казалась себе незнакомкой. Когда же это было? Три, а может, четыре года назад? Длинные темно-каштановые волосы обрамляли тогда ее лицо, от улыбки — естественной, а не наигранной, — ярко сияли изумрудные глаза. Кожа была настоящего сливочного оттенка, а носик присыпан мелкими точками веснушек, точно корицей. Если б сейчас Лиллиан встретила себя прежнюю на родительском собрании, то непременно пригласила бы выпить кофе с мороженым и вообще захотела бы с собой дружить. До того у той женщины на фото был счастливый вид.

Лишь два снимка отделяли его от семейного портрета из холла второго этажа. Портрет сделали всего пару месяцев назад, когда Джерри вдруг пришло в голову, что они не снимались все вместе с тех пор, как... ну, в общем, с самого ее возвращения. Джерри сам выбирал конечный вариант из предложенных фотографом кадров, потому что Лиллиан не хотелось даже смотреть на них. Все вышли ужасно. Мальчики точно одеревенели в своих одинаковых галстучках, а рука Джерри маячила где-то возле ее бока, будто он никак не мог решить, прикоснуться к ней или не стоит. И вот теперь все это будут показывать по национальному телевидению. Все

увидят двух разных Лиллиан, бок о бок: ту, что была до, и ту, что появилась после. Та, которая после, состригла свои длинные волосы, так что пряди уже не обрамляют лицо. Ее улыбка стала напряженной, вымученной, а глаза утратили прежнюю изумрудную яркость, приобретя оттенок тусклого нефрита.

Лиллиан представила себе, как она подходит к пианино и, размахнувшись, одним движением сбрасывает на пол все фотографии. Все до единой. И как они сначала грохочут, а потом кучей битого стекла и глянцевой бумаги тихо лежат на полу. Прикусив верхнюю губу, она с трудом прогнала непрошеную улыбку. Даже просто подумать о таком, и то было приятно, но последнее, что ей было нужно сейчас, — это привлечь к себе еще больше внимания.

Чтобы отвлечься от мыслей о разрушении, Лиллиан перевела взгляд со сверкающих рамок и улыбающихся из них лиц на поверхность пианино и сосредоточилась на поиске пыли. Красное дерево притягивало ее к себе точно магнит, а в комнате еще и сейчас не полностью выветрился запах апельсинового масла, которым она его натерла. Лиллиан любила этот инструмент. Она практически вынудила Джерри купить его прямо перед рождением Джоша. Он смеялся над ней, ведь никто из них не мог взять на нем и единой ноты, но она стояла на своем. Инструмент был не для них, а для ребенка, который рос у нее внутри — сначала для Джоша, потом для Дэниела.

Лиллиан покачала головой. Неудивительно, что молодая мама на фото улыбается так безмятежно. Она еще не знает, что иногда жизнь делает за нас совершенно непредсказуемый выбор. Глупая жизнь.

Входная дубовая дверь с грохотом отворилась, и Лиллиан подпрыгнула в своем кресле. Очень высокая

и тонкая в кости женщина в костюме цвета загара вошла в дом так непринужденно, словно жила здесь всю жизнь. Лиллиан, не отрываясь, следила за каждым ее движением. Это лицо она узнала бы где угодно: длинный узкий нос, высокие скулы, впалые щеки, ровно постриженные волосы цвета золотистой соломы лежат на голове неподвижно, точно шлем, а глаза такие светлые, как будто их голубизну разбавили молоком. Все это могло принадлежать только одному человеку — Женеьеве Рэндалл из «Хедлайн ньюс». Раньше Джерри и Лиллиан каждую пятницу смотрели ее программу, шутливо споря о том, настоящие те истории из «реальной жизни», которые мисс Рэндалл выводила на большой экран, или нет. Кстати, сама она в реальной жизни оказалась еще хуже, чем на экране.

«Класс. Значит, камера и впрямь прибавляет десять фунтов». И Лиллиан втянула округлившийся над ремнем животик.

Кто-то из съемочной группы подошел к знаменитой телеведущей со спины, пропустил под пиджак и блузку провод микрофона, вынул спереди и аккуратно прикрепил микрофон на лацкан. Лиллиан поразилась, как спокойно Женеьева Рэндалл отнеслась к тому, что чьи-то руки шарят по ее телу под блузкой. Она сидела и перебирала свои карточки с заметками так, словно ничего не происходило. Когда с микрофоном было покончено, она просто одернула пиджак и расправила шелковые рюши на блузке, глядевшие в треугольник между лацканами. Прихватив еще какие-то бумаги, лежавшие поодаль, сложила их перед собой в аккуратную стопку — и только тогда устремила на Лиллиан свой взгляд призрака.

Той на миг показалось, будто журналистка смотрит сквозь нее, точнее, заглядывает прямо ей внутрь и видит

все до единого секреты, спрятанные в ее памяти. Лиллиан даже захотелось обхватить себя руками за плечи, чтобы хоть так отгородиться от этого взгляда-рентгена.

— Миссис Линден, — окликнула ее Женевьева Рэндалл с дальнего конца комнаты, и ее голос эхом отозвался в двухэтажном лестничном пролете. — Так приятно видеть вас лично. Спасибо, что согласились поговорить с нами сегодня. — Красные каблуки ее «лодочек» зацокали по деревянному полу, когда она двинулась через го- стиную ко второму антикварному креслу, которое стояло напротив Лиллиан.

«Откуда Женевьева Рэндалл меня знает?» — ненадолго удивилась Лиллиан. Потом вспомнила: все на свете теперь знают, кто такая Лиллиан Линден. Последние два года ее лицо буквально не сходит с экранов телевизоров — факт, к которому сама Лиллиан так и не сумела привыкнуть.

Женевьева Рэндалл опустилась в кресло легко, как перышко, и немедленно заняла обычную позу интервьюера: прямая спина, расслабленные плечи, широкая улыбка.

— Для меня большое удовольствие познакомиться с вами, миссис Линден, — сказала журналистка и протянула ей длинную костлявую ладонь.

— Взаимно, — прошелестела Лиллиан, выдавив из себя нервозную улыбку, и пожала холодную руку, надеясь, что ее загрубелые пальцы не оцарапают нежную, как у младенца, кожу мисс Рэндалл.

— Я была в восторге, когда мой продюсер дал добро на этот проект. — Мисс Рэндалл скромно сложила руки на коленях, поверх стопки бумаг. — Я с самого начала слежу за вашей историей. И теперь мне просто не терпится услышать обо всем, что с вами приключилось, из ваших уст.

— Да, спасибо, что пришли. — Лиллиан пошевелилась в кресле.

— Нет, это вам спасибо, что приняли нас. Через пару минут начнем. И, пожалуйста, помните: во время интервью вы должны чувствовать себя совершенно непринужденно. Представьте, что мы — две подруги, которые встретились поболтать за чашечкой кофе. О'кей?.. Помните список вопросов, который я вам присылала? Их я и буду придерживаться, так что никаких сюрпризов. Все, что мне от вас нужно, — это как можно больше подробностей при максимальной точности ответов. Как, по-вашему, справитесь? — Женевьева улыбнулась, сверкнув столь многократно отбеленными зубами, что они уже стали почти прозрачными.

— Я... я постараюсь. — Пот каплями выступил на лбу Лиллиан, грозя потечь и разрушить ее маску из макияжа.

— И вы, конечно, понимаете, что это эксклюзивное интервью? То есть, подписав контракт с нами, вы уже не можете принимать ничьих предложений.

— Очень хорошо понимаю. — Лиллиан прикусила щеку. Эксклюзивность контракта как раз и была той единственной причиной, которая убедила ее согласиться на это интервью. В последнее время вся ее жизнь превратилась в сплошное медийное колесо, а эта маленькая оговорка обещала из него выход. Всего одно интервью — вот это, самое последнее, — и она свободна.

— Отлично. Ну, значит, с юридическими вопросами покончено. — Женевьева оглянулась. — А где ваш муж, миссис Линден? Где Джерри? Я надеялась поговорить и с ним, когда мы с вами закончим.

— Он наверху, готовится. — Лиллиан поднесла было ко рту большой палец, чтобы вцепиться зубами в ноготь, но вовремя остановилась, вспомнив про лак. —

Я сказала, что ему необязательно присутствовать постоянно. Так будет легче и ему, и мне.

— Конечно, разумеется. Речь ведь пойдет о вас. Все, что хорошо для вас, хорошо и для меня. А дети? — Красный кончик короткого толстого маркера «Шарпи» стукнул о ее передние зубы, пока она проглядывала записи.

— У соседей, — сказала Лиллиан, прищурившись. — Мне казалось, я ясно дала понять, что против их участия. — Парнишкам и так уже досталось. С ними больше никаких интервью. Они с Джерри уже давно так решили.

Женевьева подняла глаза от своих записей.

— Нет, нет, я просто подумала, что мы могли бы снять вас всей семьей, в конце, вот и всё. Не волнуйтесь, Лиллиан, никаких вопросов.

— Ладно, снимок можно, но только один. — За последние годы фотографы стали для Джоша и Дэниела привычным делом. Так что мальчишки, может, и не заметят еще одного дядьку с фотоаппаратом, суетящегося где-то в отдалении.

— Так, я почти готова, — бросила Женевьева человеку в наушниках. — Мои вопросы, Ральф.

Молодой парень с волосами цвета белой дорожной пыли и в очках в толстой черной оправе — тот самый, который собирал по дому фотографии, — подбежал к журналистке и встал, опустив глаза в пол, точно рядовой пес, заискивающий перед своей альфой. Это был практикант. Женевьева не глядя сунула ему несколько измятых листков, покрытых чернильными каракулями, и продолжала перелистывать карточки.

— Просмотрите это со Стивом, и начнем, — приказала она. Молодой человек тут же скрылся. Интермедия произвела на Лиллиан впечатление.

После проверки звука снова прибежал Ральф, помог Женевьеве с микрофоном и позвал Жасмин, еще раз подправить макияж обеим женщинам перед началом, хотя Лиллиан была уверена, что если кому-то и надо что-то подправить, то исключительно ей. Затем все вокруг замерли, словно неживые, и только Женевьева продолжала двигаться. Пригладив свои и без того идеально гладкие волосы, она сказала:

— Мотор. — Заработали камеры. — Пять, четыре, три, два, один... интервью с Лиллиан Линден.

Глава 2

ЛИЛИ

День первый

Фиджи

Двери легко скользят в стороны, и влажная жара — обычная для Фиджи — вползает в здание крошечного аэропортика, смешиваясь с застоявшимся кондиционированным воздухом. Я делаю глубокий вдох. Запах искусственной прохлады, утекающей в разгоряченную атмосферу, видимо, одинаков повсюду на земле.

— Ах, Лиллиан, ты только посмотри на нас, какие мы с тобой стали завзятые авиапутешественницы. — Маргарет просовывает свою пятнистую от старости руку в сгиб моего локтя и увлекает меня за собой, к крошечному самолетику, который уже появился на горизонте. — Жалко, что ты не надела что-нибудь более... подходящее случаю.

Там, на курорте, я натянула поверх купальных плавок шорты из старых обрезанных джинсов и накину-